

ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ

РУСЬ, ОТКУДА ТЫ?

Проблема варягов
Славянство и история
Происхождение
глаголицы

Что мы знаем
о Влесовой книге?

Религия древних руссов
Норманисты Запада
после войны

Сергей
ЛЕСНОЙ

Сергей Яковлевич Парамонов

Русь, откуда ты?

Серия «Тайны Земли Русской»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6027532
Русь, откуда ты? / С. Лесной.: Вече; Москва; 2011
ISBN 978-5-9533-5721-0

Аннотация

Истоки Руси, в которых, быть может, и сокрыта ее непонятая тайна, искали и среди холодных скал Скандинавии, и в бескрайних скифских степях, непредсказуемых в своей раздольной пассионарности, и в Белорусском Полесье, и даже в Малой Азии, в великой империи хеттов. Автор книги – Сергей Лесной (Сергей Яковлевич Парамонов), русский эмигрант, на себе испытавший трагизм отечественной истории XX века, посвящает свое исследование малоизученному периоду истории Древней Руси – доолеговому времени. Много внимания автор уделяет анализу материалов, относящихся к так называемой «Влесовой книге» – летописи языческой Руси. В своей работе ученый отстаивает существование истинно славянской государственности и культуры Древней Руси, доказывает несостоятельность норманнской теории.

Содержание

От редакции	5
Предисловие	7
Вступление	18
Раздел 1. Проблема варягов	28
Глава 1. О неверном понимании летописей	28
Глава 2. Учтены ли в проблеме о варягах все данные летописей?	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сергей Лесной

Русь, откуда ты?

© Кравцов А. Н., предисловие, 2011

© Оформление. ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От редакции

Откуда ты – великий народ, создававший империи и сам же их губивший? Народ, способный явить чудеса героизма при защите Отечества и погубить миллионы братьев своих в кровавых уособицах? Народ, такой неудобный для окружающих и для самого себя – и в то же время ставший почти географическим фактором нашей планеты: браните вы его или славите, вот только не принимать его во внимание невозможно... Истоки Руси, в которых, быть может, и сокрыта ее непонятая тайна, искали и среди холодных скал Скандинавии, и в бескрайних скифских степях, непредсказуемых в своей раздольной пассионарности, и в Белорусском Полесье, и даже в Малой Азии, в великой империи хеттов. Автор этой книги, русский эмигрант, на себе испытывший трагизм отечественной истории прошлого века, внимательно сопоставив древние и средневековые источники, приходит к внешне простому выводу: а что, если все эти, обозначенные выше, вехи и стали теми дальними рубежами, в которых просторно и трудно складывались русская государственность и русская культура? Отсюда и извечное чувство вселенской причастности, и имперские претензии, и непонятное многим ощущение святости родной земли.

Обосновывая свою позицию, автор апеллирует и к такому неоднозначному источнику, как «Влесова книга», origi-

нал которой погиб во время Второй мировой войны. Ведь Сергей Лесной – один из тех немногих и самоотверженных людей, благодаря кому это мифологизированное повествование о древнейшей предыстории славян все-таки вошло если не в академическую историю, то в русскую культуру нашего переломного времени, с его очевидными ренессансными устремлениями к великим деяниям и вере предков. Более того, сейчас вы впервые получаете возможность познакомиться с книгой Сергея Лесного в ее изначальном виде, без тех сокращений (или даже просто упрощенных пересказов отдельных глав), которые имели место во всех ее российских изданиях последних двух десятилетий. Благодаря кропотливому труду Андрея Кравцова, подготовившего это издание, перед вами предстает вдумчивый и полемичный ревнитель отечественной истории, исключительно грамотный и эрудированный ученый-одиночка, чье наследие нам еще предстоит открыть и понять – не только в той книге, но и в других его трудах, которые готовит к печати наше издательство.

Предисловие

*...Не с тем чтобы силой хвастать,
А с тем, чтоб уйти от вранья.
Твержу я: вовеки рабства
Не знала земля моя!
И, стало быть, не годится
Порочить нам старину,
И есть у нас, чем гордиться,
За что прославлять страну!*

И. И. Кобзев. Слава веков

Когда несколько лет назад мне на глаза попалась одна из книг Сергея Лесного «Из далекого прошлого славян», то я нисколько не предполагал, что это мимолетное чтение станет для меня началом длительной и интересной истории знакомства с ее автором. Знакомством, увы, односторонним и, к сожалению, без всякой возможности к личному общению. Книга мне показалась очень насыщенной идеями, сопоставлениями, сравнениями и предположениями. Как сказали бы нынешние историки, «предположениями бездоказательными». А все оттого, что С. Я. Парамонов, публиковавшийся под псевдонимом Сергей Лесной, не являлся историком в своем формальном образовании. Более того, он занялся историческими исследованиями Древней Руси, уже находясь вне России, работая профессором Австралийского нацио-

нального университета, и публикуясь преимущественно за собственный счет. Советская историческая наука, разумеется, никак не могла с этим примириться, а уже тем более признать его в качестве специалиста. Полагаю, что российскому читателю, интересующемуся данной тематикой, еще предстоит принять и, уверен, признать Сергея Яковлевича Пармонова в качестве такового.

Родился он в 1894 г. в Харькове и уже в 1917 г. окончил Киевский университет, став дипломированным биологом (энтомологом), а затем и доктором наук. К началу Второй мировой войны занимал пост директора Зоологического музея АН Украины. При стремительном наступлении немецких войск на Киев в 1941 г. Сергей Яковлевич не эвакуировался, подобно многим его коллегам, а как истовый ученый решил остаться, чтобы спасти от разграбления уникальную коллекцию Зоологического музея. Потом, правда, его вместе с музеем отправили в Германию, где он был вынужден, по существу находясь под арестом, сопровождать коллекцию в пути ее следования. Осталось свидетельство, что он не побоялся подать жалобу, когда в Польше и Германии стали исчезать ценнейшие экспонаты. Благодаря его стараниям они были спасены и впоследствии, уже после войны, возвращены в Киев. Сам же ученый был отправлен в концлагерь Мюнден, близ Ганновера, откуда его освободили союзники в мае 1945 года.

«... в нашей печати не раз появлялись утверждения, что

Сергей Лесной, автор нескольких глубоких и по сути «пионерских» работ о «Книге Велеса», будто бы бежал с немцами из Киева в 1944 г. Впервые об этом в научной печати заявил филолог Шарлемань, и с тех пор это мнение продолжает тиражироваться многими «антивелесоведами». А между тем Лесной, советский ученый, антифашист, провел четыре года в концлагере «Мюнден», откуда потом его освободили части британской армии, и так он потом оказался эмигрантом. И все его книги в области русской истории посвящены борьбе с норманнской идеей, в которой он видел исток идеологии германского национал-социализма» (А. И. Асов «Тайны «Книги Велеса»). Несколько слов о «Влесовой книге». Это уникальный памятник древнеславянской письменности IX в. н. э. Была вырезана на деревянных дощечках славянскими волхвами-кудесниками. Охватывает двухтысячелетнюю историю миграций славяно-ариев из Семиречья к Днепру (XI в. до н. э. – IX в. н. э.), отражает их религиозно-философское мировоззрение, а также взаимоотношения со многими другими народами Европы и Азии.

В том же 1945 г. Сергей Парамонов переезжает в Париж, затем в Лондон, а в 1947 г. в – Австралию, где получает почетное место профессора в Австралийском национальном университете (Канберра). Помимо его книг и научных публикаций, осталось крайне мало свидетельств о жизни и деятельности Сергея Яковлевича. Он не оставил о себе воспо-

минаний, мемуаров или чего-либо подобного. И потому любое живое свидетельство людей, живших и работавших рядом с ним, поистине бесценно. Так, находясь в Австралии и заинтересовавшись биографией С. Я. Парамонова, я обнаружил публикацию русского историка Елены Говор в местной прессе. В своем очерке «Ольга Гостиная из рода Кочубеев, австралийский этнограф» она приводит любопытные факты встреч ее героини с Сергеем Яковлевичем Парамоновым, произошедших в 1963 г.: «... В 21 год я кончила изучать этнографию в Университете в Йоханнесбурге (Южная Африка. — А.К.), и сама преподавала там один год. Потом подала заявки в разные места для получения стипендии для работы над докторской диссертацией, и я получила стипендию в Австралийском национальном университете, в Канберре, для изучения папуасов Новой Гвинеи... Русский язык в то время у меня был очень плохой, но все-таки это был не чужой язык. Когда я жила в общежитии, в Университетском доме, в Канберре, там жил очень знаменитый пожилой русский энтомолог и историк, доктор Сергей Парамонов».

Проф. С. Я. Парамонов (Лесной), 1947 г. Из документов, хранящихся в Национальном Архиве Австралии. Обнаружено при содействии Е. В. Говор (Канберра)

Позднее я списался с автором этих воспоминаний Ольгой Гостиной, и она мне ответила более подробно. Вот что она вспоминает: «...Я была знакома с С. Я. Парамоновым в то время, когда училась в аспирантуре в Австралийском национальном университете в 1963–1967 гг. Наше знакомство состоялось довольно банально, когда мы вместе обедали в университетском кампусе и говорили обо всем подряд, за исключением его семьи или его родных, оставшихся на Украине. Вероятно, это было мое упущение не поинтересоваться таковым – мой русский язык тогда был значительно хуже, чем сейчас (в особенности до того, как мы вместе с мужем провели по обмену целый год в МГУ в 1968–1969 гг.). Мы с Сергеем Яковлевичем иногда говорили по-французски, который был моим первым, родным языком. В иных случаях говорили по-русски или на ломаном английском. После того обеда, когда мы познакомились, раз в неделю или около того Сергей Яковлевич приглашал меня к себе в комнату (он жил тут же, при университете в профессорском доме. – А.К.) и мы очень интересно беседовали. Он обладал удивительными знаниями в биологии, зоологии, рассказывал о насекомых и показывал некоторые новенькие экземпляры. Иногда он также играл мне на пианино, которое находилось в его комнате, что-то пел... К сожалению, я не знала тогда так хорошо русский и украинский фольклор, чтобы оценить его пение» (перевод с английского. – А.К.).

Уже будучи в Австралии, С. Я. Парамонов начал свои исторические исследования, и за собственный счет с 1955 по 1966 г. выпустил четыре ярко написанные, добротные по подбору материала книги, посвященные древней истории славян и прежде всего Книге Велеса. Эти издания давно стали библиографической и букинистической редкостью, так как их тиражи редко превышали 500 экземпляров.

CURRICULUM VITAE

Prof. S. J. P A R A M O N O V

Born 21.X.1894 in Kharkov (Ukraine). Son of a forester.

In 1912 graduated at the high school at Ackerman (Bessarabia) and entered the physico-mathematical faculty (section of natural sciences) of the University of Kiev, graduated in 1917.

His first works have been published in 1915, when he was a student, in the "Ornithological Messenger". -

Owing to the revolution emigrated in 1918, firstly to Bessarabia and lived afterwards in Rumania, Germany, Poland and France as an emigrant with a passport of the Nansen Committee. Worked in several Museums of West Europe, especially in the domain of the theoretical (systematics) and applied entomology. Specialist of diptera (Flies), family of Bombyliidae, knows this branch universally.

Author of more than 100 scientific works pertaining to entomology and ornithology, 7 monographies. These works have been published in England, Spain, France, Holland, Germany, Sweden, Switzerland, Austria, Poland, Russian and Ukraine.

Member of the Ornithological Society of Kiev since 1913; of the Entomological Society of Kiev since 1917; of the Naturalist Society of Kiev since 1917; of the Polish Entomological Society since 1925, of the Russian Entomological Society since 1925, of the German Entomological Society since 1929.-

His main activity has been in Poland, in Poznan, where he has been at first a collaborator of the Zoological Museum and thereupon conservator and director.

On account of family circumstances removed in 1930 to Paris where he taught zoology at the Russian high school and wrote popular scientific articles continuing at the same time his scientific activity.

During the war has been arrested by the Germans and spent several years in different camps (the first at Beutchen and the last at Munden) and was liberated by the British Army; returned to Paris, where he has relatives, at the beginning of June 1945. -

As a specialist of the diptera group classified insects for the Imperial Bureau of Entomology, the British Museum and the Zoological Museums of Berlin, Hamburg, Munich, Vienna, Warsaw, Poznan, Lvov, Leningrad, Moscow, Cairo, Taigonu (Formosa) and numerous other institutions. Participated at the

Резюме проф. С. Я. Парамонова на английском языке 1947 г. Подано при трудоустройстве в Австралийский Совет по науке и исследованиям – аналог Академии Наук. Из документов, хранящихся в Национальном Архиве Австралии. Обнаружено при содействии Е. В. Говор (Канберра)

Название «Влесова книга» (ВК. – А.К.) дано рассматриваемому памятнику одним из энтузиастов его изучения и публикации – С. Лесным. В его сочинении «Влесова книга» наиболее подробно изложена история находки и публикации памятника. В конце 60-х гг. о ВК он упоминает в своих книгах «История руссов в неизвращенном виде» и «Русь, откуда ты? Основные проблемы истории Древней Руси». В 1960 г. С. Лесной прислал в Советский славянский комитет фотографию с одной из дощечек «Влесовой книги». Академик В. В. Виноградов поручил экспертизу снимка палеографу и языковеду Л. П. Жуковской. Она располагала весьма ограниченным материалом (на дощечке читалось всего десять строк текста), однако смогла прийти к принципиально важным выводам. Во-первых, было отмечено, что фотография сделана, видимо, не непосредственно с дощечки, а с прориси. Во-вторых, Л. П. Жуковская указала, что если по палеографическим данным (хотя они и вызывают сомнение) нельзя прямо судить о подделке, то данные языка, напротив, свидетельствуют о том, что «рассмотренный материал не является подлинным», – пишет О. В. Творогов в своей публика-

ции «Влесова книга» («Труды Отдела древнерусской литературы» [ТОДРЛ]. XLIII, Л., 1990. С. 170–254). И продолжает: «... нам неизвестно, чтобы ВК заинтересовала кого-либо из европейских или американских ученых: Лесной, как и Миролюбов, работал в изоляции от специалистов». Сам Сергей Яковлевич с этими доводами не согласился. И хотя после публикации статьи Л. П. Жуковской о ВК в СССР надолго забыли, он продолжал в Австралии с энтузиазмом работать над своими идеями.

В 1963 г. он намеревался выступить с докладом о ВК на V Международном съезде славистов, позднее опубликованном в Софии в научном сборнике «Славянская филология». В 1964 г. посвятил ей большой раздел в своей книге «Русь, откуда ты?», и наконец два года спустя вышла в свет его последняя работа – «Влесова книга». Скончался Сергей Яковлевич Парамонов 22 сентября 1967 г. в Канберре (Австралия), о чем в международной печати появилась заметка «Памяти проф. Алексея Яковлевича и проф. Сергея Яковлевича Парамоновых»: «В сентябре 1967 г. скончались друг за другом два энтомолога из Украины, братья Алексей и Сергей Парамоновы. Младший брат, Алексей, был опытным энтомологом и руководил до войны на Украине борьбой с крупными лесными вредителями. Он эмигрировал в Англию, где работал в Forest Research Commission. Несколько лет назад он перешел на кафедру энтомологии леса в университете г. Мерида в Венесуэле. Энергично он взялся за работу на до-

веренной ему должности, но через некоторое время заболел и был вынужден вернуться в Англию, где вскоре и скончался. Его брат Сергей работал в Division of Entomology of Commonwealth Scientific Research Organisation в Австралии и скончался незадолго до смерти брата в Канберре». (L. Brammanis. Anzeiger für Schädlingkunde. Vol.43, N.6, перевод с немецкого – А.К.)

Как пишет в своем письме Ольга Гостева: «Позднее в 1966–1967 гг. мы с моим будущим мужем Виктором навещали Сергея Яковлевича в больнице. Он был очень рад, что мы собираемся пожениться, так как всегда считал Виктора наилучшим кандидатом в мои супруги. Когда в 1968 г. мы поженились, то перед нашим отъездом в Советский Союз посетили Woden Cemetery в Канберре, где покоился прах к тому времени уже почившего в мире Сергея Яковлевича. К его надгробию я положила мой свадебный букет...»

Убежден, что данной публикацией исследовательских работ Сергея Яковлевича Парамонова мы отдаем дань уважения ему как ученому и историку.

Андрей Кравцов. 2010

Вступление

«Русь, откуда ты?» – вот вопрос, который не раз ставил перед собой автор, как, несомненно, ставит всякий русский или вообще человек, интересующийся судьбой своей страны, ищущий верное место своего народа среди других народов Европы. Не все казалось ему ясным и понятным, когда он изучал историю в школе. Но пришла пора зрелости, когда на все глядишь уже не глазами неопытного юноши, когда понимание жизни стало иным, – тогда указанный вопрос встал серьезнее. Естественно, что автор обратился не только к учебникам истории, но и к первоисточникам. Результат оказался неутешительным: официально принятая теория происхождения Руси была явно неубедительной во многих отношениях, всюду приходилось наткнуться на противоречия, всюду были видны белые нитки, которыми она шита.

Не совсем убедительной показалась автору и другая, соперничавшая с официальной, теория: работ было мало, материал довольно хаотичен, все имело вид не столько науки, сколько гениального прозрения. В этих условиях автор решил сам взяться за дело, нельзя было оставить вопрос: кто ты, откуда? – без ответа. В результате появился труд – «История “руссов” в неизвращенном виде» (1953–1960, 10 вып., 1175 стр.). Он показал, что официальная теория происхождения Руси совершенно ошибочна, но это еще не решало во-

проса в целом. Оставалось еще несколько крупных проблем, которые нуждались если и не в окончательном решении, то, по крайней мере, в выяснении.

Автор представляет теперь на суд читателя труд, который написан не для денег и славы, а только ради удовлетворения нужд своего ума. И автор надеется, что и другие испытают чувство удовлетворения по поводу нового, представленного в этом труде.

Новое появилось не только потому, что автору удалось привлечь совершенно новые источники, но и потому, что он критически посмотрел на старые, взглянул на них с уровня текущего, а не минувшего столетия.

Пять крупных проблем составляют предмет данного труда.

Первая – проблема варягов. Выяснено окончательно, что «варяги», явившиеся на Русь (которая еще так не называлась!), были по национальности славянами и приглашены в Новгород потому, что мужская линия древней славянской новгородской династии угасла. Они же были представителями ее женской линии – внуками последнего новгородского князя Гостомысла от его средней дочери, вышедшей замуж за славянского князя на Западе. Призывали своих – славян, а не чужих – германцев.

Никакой существенной роли в создании государственности, культуры и т. д. Древней Руси германцы не сыграли. И государственность, и культура были свои, созданные еще

века до этого своими руками.

Уже во 2-й половине IX в. в Восточной Европе существовало два больших славянских государства – Новгородское (Русью еще не называвшееся) и Киевское (носившее имя Руси). Эти государства имели своих князей, свои династии, свою собственную, довольно высокую культуру и широкие связи в Европе: в Новгороде отлично знали, что делается на Эльбе, Дунае, Днепре и на Дону. Представления прежних историков о дикости тогдашних руссов являются и впрямь дикими по своему несоответствию с действительностью. Таким образом, эта проблема оказалась совершенно иной, чем мы когда-то учили, и не такой, какой она представляется до сих пор иностранцам или русским в зарубежном рассеянии.

Вторая проблема – о происхождении не государства, а племени Русь. И здесь выводы коренным образом отличаются от общепринятых взглядов: Русь оказалась на много веков древнее, что засвидетельствовано историческими документами, на которые раньше не обратили должного внимания.

Кроме того, выяснилось, что племя Русь появилось в Восточной Европе не испокон веков, а, по-видимому, в начале нашей эры или на рубеже старой и новой. Оно является только восточным отрогом древнего племени Русь, которое уже было отмечено в Средней Европе историками I в. н. э. Поэтому мы можем утверждать, что Русь происходит из Средней Европы, где в настоящее время она истреблена, но существовала как минимум до конца XII в.

Однако ее восточный отрог от Карпат и до Днепра уцелел и имеет ту историю, которую мы знаем под именем истории Руси. Впрочем, писаная история Киевской Руси по меньшей мере на 400 лет древнее, чем это до сих пор принималось. И этот срок еще не крайний, не окончательный. Мы имеем все основания надеяться, что он после дальнейших исследований будет отодвинут еще более в глубь времен.

В данном труде делается первая попытка написания предварительного очерка истории доолеговской Руси, т. е. о том, о чем мы в школе и не подозревали.

Среднеевропейское славянское племя Русь (никакого германского племени Русь никогда не существовало, мы это особо подчеркиваем!) в IX в. послало в Новгород сыновей своего князя (Рюрика с братьями) для восстановления там угасшей династии по мужской линии. Так встретились западные, коренные русины с восточными, новгородскими, называвшимися также частным именем словен. Русский летописец не ошибся, сказавши, что посланцы новгородцев «идоша к варягам, к Руси»: Рюрик с братьями были сами русинами, но пришли к новгородцам, которые Русью тогда не назывались. Только когда Олег, бывший единственным иностранцем на престоле по праву опекунства, норвежец, завоевал из Новгорода Киев и захватил Южную Русь, имя Руси распространилось и на Новгород, на другие северные и восточные области, подчиненные Киеву. Случилось это потому, что Киев стал столицей двух объединенных восточноев-

ропейских славянских государств.

Третья проблема – проблема славянства. Так как корень племени Русь лежит в Средней Европе, сам собой является вопрос: откуда вообще славяне попали в Европу и какое место среди других славянских племен занимают руссы?

Исследование убедило автора, что теория прихода славян из Азии недоказательна, достоверных фактов нет. Исторические и археологические данные говорят, что **славяне в Европе автохтоны, т. е. коренные жители**, если же они когда-то и появились в Европе из других стран, то это было в то время, когда эта ветвь индоевропейских народов еще не сформировалась и не освободилась от других ветвей в достаточной степени. По-видимому, становление славян произошло в Европе.

Исследуя корни славян, автор столкнулся с поразительным фактом, не объясненным и вовсе не оцененным историками (мы будем дальше говорить об европейских историках, ибо лишь они и занимались историей Западной Европы): для славян, самого крупного и в прошлом, и в настоящем народа Европы, не находится места, когда речь заходит об их происхождении! Все народы – германцы, романцы, кельты, угро-финны и т. д. – имеют свою родину, но не славяне.

Коренной областью славян историки считали... Полесье, т. е. область, в прошлом совершенно непригодную для жителя человека! В настоящее время многие отвергают эту теорию и приписывают славянам происхождение из причерно-

морских степей или области к северу от Карпат и далее. Но все эти теории не решают вопроса, а только отодвигают его в сторону, — это только псевдорешение.

На основании исследования первоисточников (о чем автор не имеет возможности говорить здесь пространно) автор пришел к выводу, что вся Средняя Европа, от устья Эльбы до устья Дуная, была издревле заселена славянами. Ошибка заключается в том, что историки, главным образом немецкие, приняли огромное количество славянских племен за германские. Родилась даже дикая теория о существовании германцев уже в первые века н. э. от Рейна и до... Дона! При таком допущении, естественно, на карте Европы никак не могли найти места для славянских племен.

На деле же руги, вандалы, лужичи, карпы, бастарны и другие были не германцами, а славянами.

Особенно диким оказалось представление, что готы были германцами. На самом деле это были готы, народ древнейшего корня, ничего общего с германцами не имеющий. Иордан, историк VI в., желая возвеличить так называемых готов, прилепил к их истории многовековую историю готов, очевидно, пользуясь сходством названий.

Выяснилось также, что нашествие гуннов вовсе не было типичным нашествием азиатов-кочевников. Они были в Европе и до 375 г. И появились в Крыму не потому, что провалились через Керченский пролив, а потому, что случайно открыли возможность проникнуть в Крым через Арабатскую

стрелку.

Мы не будем останавливаться на других важнейших и интереснейших подробностях. Скажем лишь, что наши исследования привели нас к убеждению, что начальную историю Европы надо написать заново и огромной роли славян дать в этой истории надлежащее место.

Четвертая проблема – это проблема письменности у славян. Письменность – важнейший показатель культуры. Славяне, издревле жители Европы, сталкивавшиеся с греками и римлянами за века до н. э., не могли не иметь своей письменности, ибо были не менее людьми, чем кельты, о которых еще Цезарь, т. е. до начала нашей эры, писал, что они пользуются греческими буквами для своей письменности.

И действительно, мы имеем доказательства, что древние славяне пользовались особой системой рун. Надписи рунами сохранились до сих пор. Автору удалось найти доказательства, что и так называемая глаголица, и кириллица употреблялись гораздо раньше того времени, которое им до сих пор приписывали.

Глаголица, по-видимому, изобретена в конце IV в. епископом Ульфиллой. Именно на этом алфавите была Библия, переведенная им *для славян*. Ничего общего с так называемым «Кодексом Аргентеусом» эта Библия не имела. Готский «Кодекс Аргентеус» на самом деле написан не Ульфиллой и не на готском, а лонгобардском языке.

Кириллица употреблялась задолго до св. Кирилла: уже

в 861 г. он встретил в Херсонесе (Крым) русина, у которого были Евангелие и Псалтырь, написанные кириллицей. Св. Кирилл только усовершенствовал алфавит. Несомненно, имелись и другие формы и попытки славян в разных местах решить проблему своей письменности, однако материалы по этому вопросу не собраны и не изучены, ибо, очевидно, препятствие было в том, что не видели надобности в изучении «неисторического народа». Теперь же, когда эти «неисторические» народы переворачивают вверх дном жизнь «исторических», пора взяться и за эту темную, почти неисследованную область.

Пятая проблема – проблема «Влесовой книги». Это совершенно неизученный и только на $\frac{3}{4}$ недавно опубликованный источник, по-видимому, летопись языческих русских жрецов, начинающаяся событиями задолго до нашей эры и доведенная до Аскольда и Дира, но не захватившая вовсе Олега.

Это, по-видимому, древнейший русский оригинальный источник, которым мы располагаем. Написан он, в сущности, на неизвестном славянском языке, представляющем огромные трудности для нашего нынешнего понимания.

Излагает он как события уже упоминавшиеся в истории, так и, в большинстве случаев, зафиксированные впервые, ибо касается эпохи, вовсе не затронутой летописью Нестора. Имеется много данных о религии древних руссов, которая по сущности своей была *монотеистической*. Руссы веровали в Троицу, бессмертие души, рай и т. д. Приводится много

обычаев, связанных с религией, несколько изумительно красивых поэтических образов и т. д.

Но весь этот источник – груда совершенно хаотического материала без начала и конца, с огромным количеством испорченных и утерянных мест. Объем предстоящей работы просто неопишум, ибо касается материала, занимающего до трех печатных листов. Когда и кто это сделает – неизвестно. Одно можно сказать: открытие выдающееся, переворачивающее все наши представления о прошлом.

Кое-что автору этих строк все же удалось сделать, но, разумеется, не в той форме и объеме, как это следует, ибо автор написал труд не для специалистов, а для широкого, но вдумчивого читателя.

Из вышесказанного следует, что большинство материала книги будет вовсе новым и для рядового читателя. Придется очень и очень задуматься над многими вопросами нашего национального и политического бытия.

В процессе писания этой книги многое пришлось пересмотреть из того, что было чуть ли не постулатом в душе автора. Прежде всего выяснилось, что ни русским, ни другим славянам не следует заниматься самоуничижением и тем паче самооплевыванием.

Славяне прошли очень долгий и трудный исторический путь. Многие другие народы и их империи пали, а славяне остались. Остались, несмотря на братоубийственные войны и бесконечную борьбу с внешними врагами.

Три основных черты славян определяют их жизнестойкость: необыкновенное трудолюбие, доходящее иногда до самоистязания, любовь к родине, часто даже не осознанная умом, и талантливость.

Пишучи эту книгу, ознакомившись с историей и других славян, автор стал (он только теперь с горечью сознается) настоящим славянином, т. е. сознающим свое место и свой долг в семье других славянских народов. Нам долго не давали места под солнцем. Самое слово «славянин» почти всюду означало «раб». Нас до сих пор гонят в Азию. Нас веками натравливали друг на друга. Даже в истории не дают надлежащего места.

Но это время уже прошло. Славянские народы поднялись и сами напишут свою историю, в которой будет правда и должное место каждому.

Раздел 1. Проблема варягов

Глава 1. О неверном понимании летописей

Нет ничего труднее, как искоренять заблуждения, существующие веками. К таким заблуждениям относится и так называемая «норманская» теория, согласно которой существовало германское племя Русь, которое и создало государственность, культуру и даже передало свое имя тому государству, которое стало называться Русью, а позже Россией.

Несмотря на то, что в последнее время появились книги, брошюры, многочисленные журнальные и газетные статьи, в которых несостоятельность норманской теории доказана неопровержимо, несмотря на то, что эта теория отброшена совершенно в стране, о которой идет речь, — до сих пор находятся авторы или развязные лекторы, повторяющие все ту же навязшую в зубах историю о призвании германцев, что слово «Русь» происходит от «руотси», о владычестве германцев над Русью, о варяжских княжествах на Волге и Каме и т. д.

Приходится удивляться, как могут люди не читать, не думать и исповедовать положения, которые совершенно уста-

рели, никуда не годны и противны всякой логике. Не пора ли наконец взяться за самостоятельное мышление?

Чтобы убедить в нашей правоте, начнем с малого: покажем прежде всего, как неверно понимали то, что сказано в летописях, какие элементарнейшие ошибки были сделаны в понимании прошлого.

1. Начнем с классического: «Земля наша велика и обильна, **а наряда в ней нет**, да пойдете княжить и володеть нами». Так говорили посланцы северных племен братьям-варягам во главе с Рюриком.

Поняли (и перевели всюду) так: «**а порядка в ней нет**». Не только неверно перевели, но и возвели эти слова в принцип всей нации, создали своего рода «кредо», что руссам органически свойствен беспорядок. Отсюда родился бессмертный припев в «Истории России от Гостомысла и до наших дней» А. К. Толстого:

Ведь немцы тароваты,
Им ведом мрак и свет.
Земля у нас богата,
Порядка только нет.

Отсюда пошло дальнейшее самооплевывание и самоуничижение, которые буквально вошли в плоть и кровь.

А между тем в летописи стоит совершенно иное, сказано: «**а наряда в ней нет**». «Наряд» – вовсе не значит «порядок», а «власть», «управление», «приказ». В нашем языке до

сих пор еще бытует выражение «наряд на дрова», «наряд на квартиру» и т. д. Это означает распоряжение на выдачу дров, квартиры и т. д.

Посланцы сказали братьям-варягам: «Земля наша велика и обильна, а управления в ней нет, приходите княжить и владеть нами». Что это именно так, видно из того, что в некоторых списках летописей вместо слов «а наряда в ней нет» стоит «а нарядника в ней нет». Дело кристально ясно и понятно: князь умер, наследников нет, власть отсутствует, налицо раздоры – посланцы едут приглашать нового князя.

Наконец, нельзя же отказывать нашим предкам в уме: ну, кто скажет, что земля наша велика и обильна, а все в беспорядке? Ведь если бы действительно было так, то у них хватило бы сообразительности не отпугивать кандидатов в князья заявлением, что они приглашают их в страну, где господствует беспорядок.

Примитивами были не наши предки, а наши историки, которые не знали достаточно хорошо значение древних русских слов и не вдумывались в реальность минувшего. **Нашу историю начали писать немцы, которые даже вообще не знали или плохо знали русский язык. А за ними, как за непререкаемыми авторитетами, пошло и пошло: «порядка в ней нет».**

Призвание варягов. Художник В. М. Васнецов

Отметим, что приведенное выше объяснение дано не только нами, но и некоторыми другими авторами. К сожалению, никто не обратил на это должного внимания, а последствия ошибки были огромны.

2. «В лето 6360, индикта 15 день, начеишу Михаилу царствовати, **нача ся** прозывати Руська земля. О семь бо уведехом, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгород, якоже пишеться в летописании Гречьстемь».

Основоположники русской исторической науки Шлёцер,

Куник, Круг, Погодин переводили эти слова так:

«...Русское **имя началось при Михаиле**, ибо нам известно, что при нем Русь приходили в Царьград».

Поняли это место так, что, мол, при греческом императоре Михаиле III (857–867) появилось имя Русь. Д. С. Лихачев (1950) в издании Академии наук перевел: «Стала прозываться Русская земля». Все подобные переводы либо слишком туманны, либо вовсе неверны. Следует переводить: «**Стала упоминаться** Русская земля» (впервые в греческих летописях).

Слово «прозываться» имеет не только смысл «нести имя», «называться», «быть названным», но и «быть упомянутым». Мы до сих пор говорим: «данный отрывок», «вышеприведенный отрывок», «вышеупомянутый отрывок», «**названный** отрывок».

Когда мы произносим «названный отрывок», мы употребляем второе значение слова «называть». Речь идет не о том, что данному отрывку дали имя или назвали его, а его **упомянули**. В летописи вовсе не сказано, что при Михаиле III появилось имя «Русь», а что при нем в греческих летописях впервые было упомянуто это имя.

Русь существовала задолго до Михаила. Достаточно вспомнить, что послы «народа Рос» упомянуты в латинской хронике еще в 839 г., они явились в Царьград для заключения мирного договора, а сношения руссов с Византией, конечно, начались гораздо раньше. Руссы упоминались в исто-

рии задолго до нападения их на Царьград в 860 г., но летописец этого не знал. Самое древнее упоминание в чужих источниках он нашел лишь о времени этого нападения.

Таким образом, то, что приписали летописцу, будто бы Русь создавалась при императоре Михаиле, совершенно ложно.

3. «И седе Олег княжа в Киеве, и рече Олег: “Се буди мати градом Руским!”» Еще в 1953 г. Пушкарев толковал это место так: «По рассказу летописи (конечно, легендарному), он предсказал Киеву великое будущее, сказавши: “Се буде мати градом Руским!”»

Ни о каком предсказании здесь не может быть и речи: Олег пророчествами не занимался, а, севши в Киеве, приказал **считать** этот город **столицей** Руси (мати городом). Значение сказанного совершенно ясно из повелительного наклонения: «се буди!», а не «се буде». Ничего легендарного в этом сообщении летописи нет, есть подтвержденный историей факт, что после захвата Киева последний стал столицей объединенных государств – Киевского и Новгородского. Наконец, нечего было предсказывать Киеву великое будущее: Киев уже в то время был самым крупным и древним городом Южной Руси. Казалось бы, все ясно, а что из этого сделали?

4. «И нача княжити Володимер в Киеве един, и постави кумиры на холму вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его серебряну, а ус злат... И жряху им, наричюще и богы, и привожаху сыны своя и дщери и жряху бесом, и осквер-

няху землю требами своими. **И осквернися кровьюми земля Руська и холмот¹».**

Из этого сообщения летописи видно, что воздвижение кумиров и людские жертвоприношения были **новшеством на Руси, завезенным Владимиром** вместе с варяжской дружиной из Западной Европы, а потому и отмеченным летописцем.

Сказано отчетливо: **«и осквернися кровьюми земля Руська»**. Если бы до Владимира существовали человеческие жертвоприношения, то нечего было об этом летописцу писать и негодовать: дело было обычное; на деле же подчеркнуто, что именно с Владимира земля Русская осквернилась кровью людей, принесенных в жертву. Не обратили внимания на совершенно ясную фразу потому, что слышали о существовании человеческих жертвоприношений у западных славян, а отсюда делали ложный вывод: если, мол, было на западе, – значит, было и у нас. Из наших гуманных предков охотно сделали бы даже людоедов, был бы только хоть малейший предлог для этого.

Далее. Киевские руссы кумиров не воздвигали, мы не имеем ни малейших археологических следов этого. Перун в Киеве был тоже **новшеством**. Недаром, закрепившись в

¹ В различных публикациях последнее слово этой летописной цитаты записывается с некоторыми разночтениями. По контексту понятно, что речь идет о холме с кумирами. Видимо, здесь стояло изначально «холмъ ть», *холм тот*. Именно так истолковывается это место в академических изданиях летописи. – *Примеч. ред.*

Киеве, «Володимер-же посади Добрыну, уя² своего, в Новгороде. И пришел Добрына Новгороду, постави кумира над рекою Волховом, и жряху ему люди ноугородьстии аки богу».

Значит, первым актом новой власти было воздвижение кумиров. Если бы кумиры были в Новгороде до Добрыни, зачем было ему воздвигать там еще кумира?

На самом же деле и кумиры, и человеческие жертвоприношения были новшеством Владимира, введенным им под влиянием своего двухгодичного пребывания в Западной Европе и варяжской дружины, на которую он опирался при захвате Киева. Эти новшества просуществовали всего не более 10 лет, а из наших предков сделали кровожадных изуверов.

5. «Сей же Олег нача города ставити, и устави дани словенom, кривичем, и мери, и устави варягом дань даяти от Новгорода гривен 300 (по другим данным, 3000. – *С.Л.*) за лето мира деля, еже до смерти Ярославле даяше варягом». И здесь слово «дань» было понято в его **теперешнем** значении, и суть отношений между варягами и руссами была коренным образом изменена. В настоящее время слово «дань» понимают как вынужденную уплату чужому народу (или в переносном смысле), а в древности оно означало «подать», вообще уплату и в отношении своего народа.

Из этого отрывка ясно видно: Олег, закрепившись и осев в Киеве, занялся устройством укрепленных пунктов (горо-

² Вуй, уй (др. – рус.) – брат матери. – *Примеч. ред.*

дов) для отражения возможных нападений врагов. На все это нужны были деньги. На словен, т. е. новгородцев, кривичей и мерю, он наложил подать; кроме того, установил особую подать для оплаты услуг варягов (не дани или контрибуции, как поняли!!!).

В те времена постоянной армии не было. В случае появления врага создавалось народное ополчение. Естественно, и сборы такого ополчения занимали много времени. И самое ополчение не было достаточно эффективно и уступало профессионалам.

Олег продолжал политику Рюрика: 1) создавал укрепления вокруг городов и 2) имел небольшую постоянную армию наемных воинов из варягов, на которую он опирался во внешних и внутренних делах.

Совершенно очевидно, что Олег, затем Игорь, Святослав, Владимир и Ярослав, будучи властелинами огромного государства, не могли платить дань заморским варягам, ибо варяги Руси не побеждали, а иго варягов (см. далее) было свергнуто еще до Рюрика.

Наконец, нет ни малейших данных или намеков, какие именно варяги получали дань с Руси. Речь идет об огромном промежутке времени – почти в 200 лет. Значит, должны были быть отказы от уплаты дани, задержки в ее уплате, переговоры об изменении суммы и т. д. Ничего этого решительно нет. И вполне понятно почему: заморские варяги не имели никакого отношения к Руси, в летописи речь идет об

уплате наемным варяжским отрядам за службу (и об этом сохранились в исландских сагах данные, что варяги заключали погодные контракты, и имеются даже указания на суммы, уплачиваемые Русью простым воинам-варягам, а также их начальникам). Русь платила жалованье наемным войскам, которые обеспечивали ее мирное существование («мира деля»), ибо при наличии постоянного войска никто не решался напасть на Русь в расчете на легкую добычу.

Однако со времени смерти Ярослава Мудрого и эта нужда в наемных войсках отпала: Русь была достаточно страшна своими собственными силами.

Мы видим, как легко и необдуманно превратили уплату наемным войскам (погодную!) в 200-летнюю дань огромного государства, притом неизвестно кому!

Может возникнуть вопрос: почему в отношении подати варягам упомянуты лишь словене, кривичи и меря, ведь и другие племена должны были нести расходы по содержанию общего наемного войска?

Объясняется это просто: летописец (первый, основной, а не Нестор 1113 года) был новгородцем (чему мы имеем много доказательств) и не знал положения дел на юге, но о подати на севере ведал, свою же, новгородскую, даже точно указал. К тому же он писал историю, а не отчет о государственных расходах.

6. «И от тех (варяг, добавил Д. С. Лихачев, 1950, взявши из других летописей. – *С.Л.*) прозвася Руская земля, Ноуго-

родцы, ти суть людье Новгородци от рода Варяжска, прежде бо беша Словени» (Лавр. лет., изд. 1872, стр. 19).

Отрывок этот, несомненно, испорчен и малопонятен, но действительный смысл нетрудно восстановить, приняв во внимание: 1) и другие летописи (в этом случае становится понятным, что испорчено), 2) а также обороты и понимание слов, которые употреблялись **тогда, а не теперь**.

Д. С. Лихачев в академическом издании (1950) перевел это так: «И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне».

Нелепость очевидна: как могли быть новгородцы людьми от варяжского рода (нелепость № 1), а в прежнее время быть славянами (нелепость № 2)? Ведь не могут китайцы стать французами или наоборот.

Объясняется испорченный отрывок без труда. Прежде всего совершенно ясно, что выражение «от варяжского рода» является формой древнего творительного падежа: не говорили «варягами», а «от варяг». Этим оборотом пестрят все летописи. И он существовал по крайней мере до 1800 г., когда в предисловии к «Слову о полку Игореве» Малиновский писал «убит от половцев» вместо современного «убит половцами».

В разбираемом отрывке эта форма употреблена два раза: 1) «от тех... прозвася Руськая земля», 2) «от рода Варяжска» – «варягами». Конец фразы (одинаковый во всех

списках) совершенно ясен: новгородцы стали называться новоприбывшими варягами Русью, а до этого они назывались словенами.

Трудно понять, как историки и филологи (в том числе Шахматов!!)³ могли допустить столь элементарную ошибку, понимая вышеприведенные выражения древности вот так, исходя не из норм того времени, а сегодняшнего дня.

Дальнейшая расшифровка облегчается Комиссионным списком Новгородской 1-й летописи, где сказано: «И от тех варяг, находник тех, прозвашася Роусь, и от тех словеть Роуская земля и **суть** новгородстии людие до днешнего дня от рода варяжска». Достаточно обратить внимание на подчеркнутое нами слово «суть», чтобы понять, в чем дело: в других списках здесь стоит «суд» или «соуть». Слово «словуть» искажено в «соуть» (вероятно, опущено титло). Из контекста совершенно ясно, что **земля** теперь (из-за варягов) слывет Русской землей, а **люди** Новгорода, что назывались славянами, – русскими.

Сравнение этого места с другими существующими вариантами совершенно убеждает нас в истинном значении этого отрывка.

Наконец, нам понятно, почему это произошло: Рюрик и его дружина нуждались в каком-то одном слове для обозна-

³ Академик Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) – известный русский филолог, исследователь летописей, уделявший особое внимание реконструкции их текста. – *Примеч. ред.*

чения более десятка племен, которые были ими возглавлены, для них новгородцы, звавшие сами себя «словенами», мало отличались от «кривичей», «руси» и других восточных славянских племен. Для них это было племя, которое они называли после того, как сели на Руси (см. ниже), Русью.

Новгородцу-летописцу было зазорно, что название его племени было насильственно изменено, и это он отметил.

Насколько беспредметно было мышление, можно заключить из того, что академик Шахматов считал, что в конце разбираемого отрывка было пропущено слово «варягы». «Допустив это, — писал он, — смысл восстановленной фразы тот, что попавшие под господство варяжских князей Словене стали называть себя Варягами».

Трудно поверить, чтобы такую чушь могли сказать в нашем столетии. Что покоренный народ через много столетий может воспринять имя покорителя — это возможно, хоть и далеко не всегда, но что через какие-нибудь 15–20 лет большой народ стал называть себя не своим именем и не именем даже покорителя, а **профессиональным прозвищем** (вроде: плотники, сапожники, солдаты и т. д.) — это уже сказки! Ведь «варяги» — это не нация, а профессия.

А что новгородцы долго помнили, кто они такие, видно из Московского летописного слова, где под 1469 годом сказано:

«Не лзе, брате, тому так быти... а из начала отчина есмы тех великих князей, и от первого великого **князя нашего** Рюрика (южнорусские летописи его **не считают** “своим»),

его-же по своей воле взяла **земля наша** из Варяг князем себе и с двема браты его. По том-то правнук его князь великы Владимир крестися и вся земли наши крести: Руськую, и **нашу Словеньскую**, и Мерьскую...»

Стало быть, еще 600 лет спустя новгородцы не считали свою землю Русской, а называли «наша Словеньская», поэтому толкование, что новгородцы называли себя варягами – мысль просто дикая, показывающая, что академик Шахматов не только совершенно не понял данного отрывка, но не понимал и главных линий развития Руси, и соотношений между разными племенами.

7. Понятие «варяги» и понятие «руси» ясно различались в летописи: «варяги» – это наемное, многонациональное войско из Западной Европы, «русь» – это преимущественно жители Киевской державы, и лишь после, когда Киев стал столицей всех восточных племен, название это стало постепенно захватывать и другие племена.

Приняв такое понимание, мы избавляемся от множества нелепостей, которые принимались норманистами за истину. Мы проверили это на всем тексте летописей. Примеры покажут это наглядно.

«Поиде Олег, поим воя многи: варяги, чудь, словене, мерю, весь, кривичи, и прииде к Смоленску».

Мы видим, что Олег, идя из Новгорода на юг, на завоевание Руси, имел в своем распоряжении почти все северные славянские и неславянские племена и, кроме того, наемни-

ков-варягов. Судя по месту, отведенному варягам, это было ядро его армии.

Если бы варяги представляли собой германское племя Русь, то тут именно уместно было бы назвать их «Русью», но летописец этого не сделал, эти варяги **назовутся Русью** тогда, когда придут в Киев. Равным образом мы видим, что в состав войска Олега входили и новгородцы (словене), но они не называются «варягами» (как думал Шахматов) и не называются еще «Русью» – это случится гораздо позже.

Кроме того, из этого и последующих высказываний ясно, что у варягов не было национального лица – это была разношерстная масса наемников-пришельцев, противопоставляемая местным племенам, это было сборное, профессиональное имя, и только.

«И седе Олег княжа в Киеве... и беша у него варяги, и словене, и прочий, **прозваша(ся) Русью**».

Здесь исчерпывающе доказано то, что Русью стали прозываться все племена, подчиненные Олегу, лишь с того момента, когда он осел в Киевской Руси. Заметьте, что русский летописец Рюрика за русского князя **не считает**, ибо на Руси, т. е. в Киеве, этот князь не княжил. Отсюда следует, что имя Русь пришло не с варягами, а было древним местным названием на юге. Северные же племена до Олега Русью не назывались. Из отрывка становится очевидным, что не варяги принесли с собой имя Русь, а сами они его восприняли, поскольку были на службе у Олега и осели на Руси.

«Иде Олег на греки... поя же множество варяг, и словен, и чудь, и кривичи, и мерю, и деревлены, и радимичи, и поляны, и северо, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци, яже суть толковины» (союзники).

Здесь слово «Русь» вовсе не упомянуто, ибо все перечисленные подробно племена составляли Русь, лишь тиверцы были союзниками, а варяги наемниками.

Хотя варяги, видимо, играли очень важную роль в походе Олега, особой дани от греков они не получили. Ее получили «русские города» Киев, Чернигов, Переяслав, Полоцк, Ростов, Любеч и др. Это свидетельствует об их подчиненной роли. Если бы варяги верховодили, то им, конечно, досталась бы львиная доля добычи.

Интересно, что о доле Новгорода не сказано ни слова, зато есть место, явно показывающее, что Олег был недоволен почему-то новгородцами и при дележе добычи их обделил: руси он приказал пошить шелковые паруса, а «словеном кропиньныя⁴» (точно значение не установлено). Ветер, однако, порвал паруса новгородцев, и они вынуждены были пользоваться своими старыми. Об этом с явной обидой говорит летописец, косвенно показывая этим, что он был новгородцем.

Различали варягов от других племен и позже Олега. «Игорь-же совокупив вои многи, варяги, русь, и поляны, словены, и кривичи, и тиверци, и печенеги ная» (др. – рус. «на-

⁴ Вероятно, имеется в виду полотно, изготавливавшееся из крапивы и широко использовавшееся в Древней Руси для изготовления парусов. – *Примеч. ред.*

нял», т. е. «нанял печенегов». — *Примеч. ред.*). Тут варяги опять выделены и отличены от Руси. На первый взгляд кажется, что «Русь» фигурирует здесь как отдельное племя, но это — недоразумение, основанное на том, что в древности не употребляли современных знаков препинания. В действительности надо после «Русь» поставить не запятую, а двоеточие, так как идет перечисление племен, подчиненных Руси. Что это так, видно из того, что болгары сообщали именно об этом походе грекам: «идуть Русь, и наяли суть к собе печенеги». Собирательное значение слова «Русь» в этом тексте не вызывает сомнений.

Различали варягов и до самого конца пребывания их на Руси при Ярославе.

«Ярослав-же совокупив Русь, и варягы, и словене». И здесь противопоставление варягам Руси, т. е. Киевской земле, и словенам, т. е. новгородцам, совершенно отчетливо. Варяги уже не на первом месте, а новгородцы особо выделены, ибо они оказали особенно важные услуги Ярославу (и были за это награждены впоследствии).

Варяги. Неизвестный художник

Под 1043 годом находим: «Рекоша Русь Володимеру (сыну Ярослава. – С.Л.): “станем зде, на поле”, а Варязи рекоша: “пойдем под град”. И послуша Володимер варяг». И отсюда вытекает, что Русь и варяги – совершенно различны. И это различие осуществлялось, начиная с Олега, который впервые столкнулся с Киевской Русью, и кончая Ярославом Мудрым (ум. в 1054 г.), когда самое имя варягов вовсе сходит со страниц русских летописей.

Норманисты склонны считать, что все эти приведенные

упоминания о варягах касаются иностранцев-правителей, завоевателей или во всяком случае руководителей Руси, что исчезновение их с русского горизонта объясняется слиянием их со славянским населением страны. На деле же это не так: варяги существовали на Руси до тех пор, пока была нужда, в наемных войсках. Как только она исчезла, варягов перестали нанимать и имя их вышло из обихода на Руси.

Из отрывков видно, что: 1) варяги не были Русью, 2) организационной роли они не играли, а исключительно военную, 3) все время они были элементом отдельным, особым и 4) даже в военном отношении были не руководителями, а соучастниками.

Без сомнения, часть варягов (в особенности славянская) оседала на Руси и ассимилировалась, но это происходило в небольших размерах и заметного влияния не оказывало. Во всяком случае, оно совершенно несравнимо с тем, что произошло через 400–500 лет при московских князьях и царях, когда татарские, литовские и другие бояре и князьки переходили на службу Москве (в результате остались сотни чужих, неславянских фамилий). Варяги же не оставили никаких следов в этом отношении: в подавляющем числе случаев они по окончании контракта возвращались на родину. Итак, варяги – не Русь, прямые указания летописи были поняты неверно.

8. «И идоша за море к Варягом, к Руси. Сице бо ся зваху тѣи Варязи Русь, яко се друзии звуться Свие (шведы), друзии

же Урмане (норвежцы), Англяне (англы), друзии Готе (готландцы), тако и си».

Разве отсюда не видно, что варягами назывался не отдельный народ, а группа северных народов, включая и англов? Понятие «варяг» носило сборный характер, означая не нацию, а профессию. Молодежь этих бедных природой народов продавала свою кровь за деньги, за профессию варяга, т. е. наемного воина. Из отрывка следует бесспорно, что посланцы северных племен отправились во всяком случае не к шведам, не к норвежцам, не к англам и не к готам, а именно к Руси. А нас уже несколько столетий уверяют, что посланцы направились в Скандинавию. Между тем никакого племени Русь в Скандинавии **ни одним источником не отмечено**. Летописец сказал: «за море», но это не означало – в Скандинавию. Поехать в Данию или Западную Германию означало тоже – «за море». И действительно, в Эрмитажном и других списках новгородского происхождения сказано: «И избращася **от Немець** 3 браты с роды своими». Никогда жителей Скандинавского полуострова немцами славяне не называли. Это название применялось лишь к германцам материка. Да ведь и сказано «от Немець», а это значит всего-навсего «из Немецкой земли», но не «три брата немцы» (к этому мы еще вернемся). Таким образом, данные летописи показывают, что племя Русь надо искать где-то на материке, однако определенно не в Скандинавии. Увы, и этого не поняли историки и филологи.

9. «Реша Русь, Чюдь, Словени и Кривичи и вси: “земля наша велика”» и т. д.

В других списках сказано (и правильно): «Реша Руси...» Ведь посланцы направились к Руси и сказали ей (Руси) – далее следует перечисление племен пославших и то, что говорили посланцы.

Следует также исправить слово «вси». На первый взгляд кажется, что под этим летописец понимает «и все другие племена». Словно не желает затягивать перечисление племен. На самом же деле, как это видно из сравнения со многими списками, здесь упоминалось племя «весь». Наконец, нужно помнить, что в призвании князей Киевская Русь участия совершенно не принимала. Пример показывает, что даже, казалось бы, совершенно ясный смысл отрывка все же требует сличения всех списков. Этого не делали и не понимали верно то, что было сказано.

10. «И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по себе всю Русь, и придоша».

Некоторые понимали дословно, что «Рюриковичи» переехали в Восточную Европу со всем племенем. Но нелепость переезда за море целого племени, переезда, технически в те времена неосуществимого, к тому же бесследного, никем не отмеченного, была настолько очевидной, что в конце концов от этого толкования отказались и сами норманисты.

К тому же в других списках тут стоит гораздо более понятное и естественное: «и пояша с собою дружину многу и

предивну». Или похожие варианты.

Однако не следует забывать, что и выражение «пояша по себе всю Русь» может иметь совершенно иное понимание. «Пояша по себе» вовсе не означает «взяли с собой». Истинное значение угадывается из сравнения. Существует старинное выражение: «По мне – хоть трава не расти». Тут «по мне» и «для меня» в смысловом отношении почти равнозначны. В тексте «пояша по себе» можно прочесть как «взяли для себя» всю Русь, т. е. разделили между собой области княжения на Руси (что и было). Напомним, что выражение «избрашася 3 браты» еще не означает непременно «собрались», а «избрались», т. е. были избраны посланцами, распределили между собой границы правления и отправились в дорогу.

Мы привели 10 примеров (их можно привести больше) и считаем, что показали достаточно, что наши летописи и не понимались, с одной стороны, из-за недостаточного знания **древнего** русского языка, с другой – из-за отсутствия сличения с более хорошо переписанными списками, наконец – из-за непонимания вследствие предубеждений. Русская общественная мысль слишком уж поверила в непогрешимость историков, теперь приходится расплачиваться («*Mea culpa, mea maxima culpa*⁵!»).

⁵ *Mea culpa, mea maxima culpa* – лат., *моя вина, моя величайшая вина* – формула покаяния и исповеди в религиозном обряде католиков с XI в. – *Примеч. ред.*

Глава 2. Учтены ли в проблеме о варягах все данные летописей?

На этот вопрос можно ответить совершенно точно и определенно: нет, не учтены. Вне поля зрения историков оказались два ряда источников, дающих часто весьма важные данные, дополняющие сведения «Повести временных лет»: 1) Воскресенская, Никоновская и др., 2) Иоакимовская и ряд других новгородских летописей, сообщающих не только то, **как** произошло призвание варягов, но и **почему** это случилось.

Просто загадочно, почему сведения, сообщаемые первой группой источников, не включены в историю. Они игнорируются без малейших объяснений. В комментариях к этим местам мы находим лишь трафаретное: «Происхождение источника этого сведения неизвестно». История в этом случае расписалась в своей несостоятельности.

Сведения, сообщаемые второй группой источников, объявлены «апокрифическими», но здесь по крайней мере дано, хоть и ложное, но все же объяснение. Причина игнорирования обоих рядов источников проста: приняв их во внимание, необходимо совершенно изменить наш взгляд не только на призвание варягов, но и на все начало Руси в эту эпоху. Смелости разрушить старые представления не хватило, ограничились повторением заученного.

Между тем большинство сведений, сообщаемых в первой группе источников, не подлежит ни малейшему сомнению (и по различным другим поводам они используются историками).

Если мы сравним «Повесть временных лет», т. е. Лаврентьевскую летопись, с Никоновской, Воскресенской и др., бросается в глаза, что в последних оказываются довольно мелкие подробности, например, что в Киеве в таком-то году был очень сильный дождь, что прилетела саранча и т. д., но в «Повести» они выпущены. Совершенно очевидно, что эти мелкие, почти ничего не значащие факты не явились позднейшими выдумками, вставками переписчиков, а выписаны из **протографа** или более полной основной летописи, которые были полнее «Повести временных лет». Составитель «Повести» пренебрег такими мелочами. Ну, в самом деле, зачем переписывать, что 300 лет тому назад в Киеве был очень сильный дождь, кому это нужно? Или что в таком-то году был убит болгарами сын Аскольда, о котором больше не упомянуто ни слова?

Сжатость изложения была, несомненно, некоторым плюсом, обеспечивавшим успех «Повести», но, с нашей точки зрения, многое, что казалось составителю «Повести» не заслуживающим внимания, имеет, оказывается, большой интерес. У современных энтомологов, — скажем, такой для историка пустяк, как налет саранчи. И смерть сына Аскольда говорит о многом: 1) о возрасте Аскольда (значит, в данном

году он не был юношей), 2) о том, что намечалась целая династия Аскольда, 3) что последний воевал с болгарами.

В Никоновской летописи мы находим о призвании варягов следующее: «И по сем собравшися реша о себе: “поищем межь себе, да кто-бы в нас князь был и владел нами; поищем и уставим такового или от нас, или от Казар, или от Полян, или от Дунайчев, или от Воряг”. И бысть о сем молва велиа: овем сего, овем другого хотящем; таже совещавшася послаша в варяги». Это место чрезвычайно ценно: оно показывает тип работы составителя «Повести временных лет»: он не писал самостоятельную историю – он **сокращал протограф**. Поэтому теперь становятся понятными некоторые перескоки и шероховатости в изложении. Сокращая, он выбрасывал не только мелкие подробности, но и лишал изложение необходимой связи и полноты. Ему, читавшему оригинал, казалось все понятным в его изложении, а на деле оказывалось не то. Кое-что он, по-видимому, выбрасывал, и не только то, что считал неважным, но и то, что для него было неудобным: он производил цензуру протографа.

Приведенный отрывок дает чрезвычайно важные сведения. Прежде всего управление посредством князя отнюдь не являлось какой-то новинкой. Это была давно известная институция. Затруднение было в том, что князя не было.

Историки представляют дело так, будто до появления Рюрика с братьями в Древней Руси была аморфная масса людей, вообще без государственного строя. Шлёцер видел в

наших предках полудикарей, живших наподобие зверей и птиц. Все это оказывается выдумкой: в середине IX в. новгородцы не только имели давний опыт княжеского управления, но и знали, что делается на Дону (Хазария), на Днепре (у полян), на Дунае (у тамошних славян) и даже в Западной Европе (у варягов). Стадия культуры у новгородцев была совсем иная, чем это представляли себе немцы, основоположники нашей историографии.

Дело с призванием князя обстояло гораздо сложнее, чем думали. Новгородцы не только послали к варягам, а сначала обсуждали, откуда им лучше всего раздобыть князя. Было предложение прежде всего избрать князя из своей среды. Это, очевидно, наткнулось на соперничество между местными группами и не решало междоусобного спора. Удовлетворяло всех лишь нейтральное решение – выбор чужого, который не имел никаких предубеждений, а мог судить справедливо.

Если бы речь шла о том, чтобы получить вообще высокоавторитетного князя, то проще всего было бы обратиться к Византии или Риму, но этого не сделали и об этом даже не думали, ибо нуждались не в чужестранце, который ничего не понимал в местных условиях, а в славянине, который знал веру, язык, право и обычаи, мог «судить их по праву». Нужно помнить, что функция князя состояла отнюдь не в руководстве войском (для этого существовали воеводы), а, главное, в управлении и судопроизводстве. Нуждались в умелом, ра-

зумном управителе и справедливом, знающем законы судье. Этим требованиям мог соответствовать только славянин.

Действительно, один из предлагаемых кандидатов был «от полян», т. е. из Киева. Были ли поляне в то время независимы или подчинялись хазарам, мы не ведаем, но совершенно ясно, что представляли для новгородцев некоторый интерес, ибо к племени, стоявшему ниже, новгородцы не обращались бы. Очевидно, Киевская Русь была уже тогда чем-то заметным, а может быть, и значительным.

В славянстве другого кандидата — «от дунайчев» вряд ли можно сомневаться, так как на нижнем течении Дуная, о котором только и могла быть речь, сидели лишь славяне. Очевидно, они были достаточно известны и импонировали Новгороду.

Третий кандидат был «от хозар». Хорошо известно, что на Дону и на Нижней Волге (Итиль) было много славян и они играли видную роль в жизни Хазарии. Очевидно, торговые сношения давали возможность новгородцам знать, что делается и в этом уголке Европы. Что речь и не могла здесь идти о чужом, т. е. настоящем хазаре, видно из того, что поляне того времени были под игом хазар. Но трудно представить себе, что новгородцы искали себе ярма. А ведь, избравши хазарина, они просто вкладывали свою голову в петлю. Ясное дело, что они выбирали себе князя, а не угнетателя. В Хазарии, где сходились различные торговые пути, они могли найти славянина, достаточно культурного, осведомленного

и уже чем-то проявившего себя на поле общественной деятельности (скажем, судью в славянской части города Итиля и т. д.), но брать оттуда человека иного языка, иной веры и обычаев было нелепо.

Наконец, четвертый кандидат был «от варяг». Вряд ли приходится сомневаться, что и здесь речь шла о славянине (это будет в дальнейшем документально доказано). Вспомним, что понятие «варяг» очень обширное и ни с какой определенной нацией не связанное. Саксон Грамматик прямо говорит, что шайки, нападавшие на Англию, т. е. варягов, состояли из данов и славян. В западном углу Балтики в то время существовали еще видные славянские государства, и нет ничего удивительного в том, что новгородцы, тяготевшие к Балтийскому морю, знали их отлично.

Может, однако, появиться сомнение: зачем, после того как новгородцы только что избавились от ига варягов, они снова их призывают. Все объясняется просто: варяги, как это мы выяснили, были разные, в состав их входили скандинавы, германцы материка, славяне Прибалтики, финны и др. Прогнавши одних варягов, несомненно, чужих по крови, новгородцы могли искать князя и среди славян-варягов. Оказалось, что именно этот кандидат был избран. Как и почему это случилось, становится ясным из ряда Новгородских летописей, в первую очередь – Иоакимовской.

Иоакимовская летопись до нас не дошла. Но самая существенная часть ее, попавши в руки Татищева, была перепе-

чатана в его «Истории» и тем вошла в обиход. Признание ее апокрифической совершенно неосновательно. Во-первых, кроме нее существуют еще Новгородские летописи с тем же самым в основном содержанием. А во-вторых, в ее содержании нет ничего легендарного и невероятного. Как и во всех летописях, во вступительной части содержатся сведения, почерпнутые из легенд. Но это участь всех летописей. Интересующие же нас сведения относятся ко времени деда Рюрика. Ко времени, от которого мы можем ожидать совершенно точных сведений. И действительно, сведения эти ничего фантастического в себе не заключают, вполне логичны и косвенно подтверждаются дальнейшими событиями.

Небезынтересно будет отметить, что самая полная Новгородская летопись, по содержанию в основном совпадающая с Иоакимовской, **до сих пор не опубликована**. Объясняется это тем, что Новгородские летописи намеренно отодвигались на задний план, содержание их подвергалось сомнению, ибо оно противоречило «Повести временных лет», которая стала как бы каноном историков.

Что составитель «Повести» игнорировал Новгородские летописи, вполне понятно: он писал историю Киевской земли, Южной Руси и, естественно, не имел желаний и даже возможности уделять внимания и Руси Северной. Он совершенно недвусмысленно Рюрика, первого князя-варяга, **за русского князя не считает**. Его Новгород почти совершенно как таковой не интересовал, а лишь во взаимоотношениях с

Киевской Русью. Поэтому он ничего не сказал, что было до Рюрика. Да и о самом Рюрике сказал меньше, чем знал. Это понятно.

Но как историки Руси, которых интересует уже вся Русь, а не только ее южное ядро, оставили без внимания историю Северной Руси, – это уже дело их совести. Мы же считаем, что тенденциозность их и несостоятельность их метода доказана этим бесспорно. Право же, как можно игнорировать Новгородские летописи, когда речь идет именно о событиях в Новгороде и излагаются они с детальным описанием времени, места, лиц и обстоятельств? Если эти события (допустим) неверны, это нужно доказать и отбросить их, дав этому обоснование. На деле же сведениями Новгородских летописей пользуются частично: берут, что нравится, а остальное отбрасывают, как негодное. Такой «научный» метод можно назвать только методом произвола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.